

CALENDAR REFORM OF PETER I IN THE HISTORICAL PERSPECTIVE OF NATIONAL IDENTITY**Nikulushkin Konstantin Vladimirovich**, Rector, Institute of Philosophy and World Culture, St. Petersburg

The article considers the chronology reform, which was carried out according to the decree of Peter the Great in 1700 and became one of the important coordinates in the formation and development of the new semiotic text of Russian statehood. The reform influenced the national self-consciousness, in the cultural space of which the previous historical eventfulness was affirmed by the new position of the calendar date. Accordingly, the object of study of this article is the reforms of Peter I in the field of Russian culture, the subject is the calendar reform of 1700. The purpose of the study is to reveal the relationship between the calendar reform and the cultural text of the national worldview of the late 17th - first quarter of the 18th centuries. The novelty is due to the formation of a scientific perspective on the relationship and interdependence of the calendar reform and the cultural consciousness of the Russian people. In the course of the study, the following results were determined: on the basis of the new chronology, a new semiotic and symbolic text of Russian culture is formed, which, together with the initial time point of reference from the Nativity of Christ, received foreign policy power following the results of the Northern War; The previous historical dates of the event text, affirming the national pride and spiritual greatness of the Russian people in the context of the pre-Petrine chronology, are included in the cultural projection of the new Arabic number and calendar dimension without a significant loss of ideological content, which is confirmed by the foreign policy successes of Russia under Peter the Great.

Keywords: aesthetics; Christian faith; calendar reform; cultural consciousness; chronology; politics; statehood; traditions.

EDN: QAJ TTW**DOI:** 10.24923/2222-243X.2025-55.37

Цитировать: Никулушкин К.В. Календарная реформа Петра I в исторической перспективе национального самосознания // KANT. – 2025. – №2(55). – С. 248-257. EDN: QAJ TTW. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.37

УДК 130.2.93**БАК РФ** 5.7.8**КАЛЕНДАРНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ**

© Никулушкин К.В., 2025

В статье рассматривается реформа летоисчисления, которая была проведена согласно указу Петра Великого в 1700 г. и стала одной из важных координат в формировании и развитии нового семиотического текста русской государственности. Реформа повлияла на национальное самосознание, в культурном пространстве которого прежняя историческая событийность утверждалась новым положением календарной даты. Соответственно, объектом исследования данной статьи являются реформы Петра I в области русской культуры, предметом - календарная реформа 1700 года. Цель исследования - раскрыть взаимосвязь календарной реформы с культурным текстом национального мировоззрения конца XVII - первой четверти XVIII вв. Новизна обусловлена формированием научного ракурса на взаимосвязь и взаимозависимость календарной реформы и культурного сознания русского народа. В процессе проведенного исследования определены следующие результаты: на основании нового летоисчисления формируется новый семиотический и символический текст русской культуры, получившей вместе с исходной временной точкой отсчета от Рождества Христова внешнеполитическое могущество по итогам Северной войны; прежние исторические даты событийного текста, утверждающие национальную гордость и духовное величие русского народа в контексте допетровского летоисчисления, входят в культурную проекцию нового арабского числа и календарного измерения без значительной утраты идейного содержания, которое подтверждается внешнеполитическими успехами России при Петре Великом.

Ключевые слова: государственность; календарная реформа; культурное сознание; летоисчисление; политика; традиции; христианская вера; эстетика.

НИКУЛУШКИН**Константин**

Владимирович, ректор,
Институт философии
и мировой культуры,
Санкт-Петербург

Введение. Время культурных перемен эпохи Петра I получило в отечественном исследовательском ракурсе терминологическое определение "европеизация", которая обусловлена характером заимствований цивилизационных форм из

текста прагматики западноевропейских государств. Начало движения культурных заимствований в России возникло в допетровскую эпоху, но время правления Петра I определило наиболее существенные перемены в структуре национального сознания народа на основании стремительности совершаемых реформ.

Реформы Петра I складывались под воздействием двух приоритетных направлений, обусловленных: личным предпочтением русского царя, утвердившего в культурном движении России ориентир выразительности внешнего облика западноевропейской онтологии (область этики и эстетики); и развитием внешнеполитических событий, определенных военными действиями за выходы России к водному пространству: Черному (Азовские походы 1795-1796 гг.) и Балтийскому морям (Северная война 1700-1721 гг.). Типологически-видовое многообразие и временами культурно-генетическая поспешность проводимых Петром I реформ сформировали в пространстве русской духовной жизни идейное направление, при котором историческое содержание отечественных традиций включалось в культурную формулу Западной цивилизации. В сознании народа на данном основании устанавливалось бинарное культурно-психологическое отношение к собственному национально-историческому тексту.

Подобное утверждение формулирует актуальность, цели, задачи и методы исследования в данной статье. Актуальность исследования обусловлена тремя идейными направлениями, определяющими перспективу значений в культурном пространстве современного общества: 1) обращение к историческому тексту русской культуры через процесс формирования национального мировоззрения на основании изменения летоисчисления; 2) анализ календарной реформы через семиотику культурных представлений о "старом" и "новом" времени в эпоху Петра I; 3) формулирование принципов культурного самосознания при содействии целенаправленной политической воли российского императора, полагающего собственное решение в качестве необходимого условия государственного развития.

Для достижения сформированной цели проводится решение следующих задач: рассмотреть текст указа, на основании которого проводится календарная реформа; обратиться к событийному пространству летоисчисления допетровской эпохи;

раскрыть характер культурного отношения общества к содержательному положению данной реформы. Эмпирическим материалом исследования являются указы и письма Петра Великого в составе следующих литературно-исторических источников, применяемых в проекции изучения культурной эпохи: Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ) [14], Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) [15], Письма и бумаги императора Петра Великого [12]. Методы, применявшиеся в раскрытии поставленных задач, определены характером философско-исторического исследования: историко-генетический метод, герменевтический метод, метод исторической компаративистики.

Обоснование и результаты. Рассмотрим важную реформу Петра I, которая произошла в области летоисчисления – русского календаря, установленного в допетровскую эпоху на основании отсчета "от Сотворения Мира" (Константинопольская эра / Византийская эра). Русь вошла в летоисчисление Константинопольской эры вместе с Крещением в X веке и удерживала благое движение христианского времени в пространстве отечественной духовной культуры до периода преобразований Петра Великого.

Христианская Русь, переняв от Византии календарную меру "от Сотворения Мира", на 5508 лет была старше по возрасту христианских стран Западной Европы, установивших цифру календаря "от Рождества Христова" на основании пасхальных таблиц Дионисия Малого (VI в. н. э.). Подобное старшинство по "возрасту" позволяло исключать из культурной сферы Руси вопросы онтологического значения равных вопросам Запада – идея времени бытия Восточной Европы не совпадала с идеей времени мира Европы Западной; культурные пространства, имеющие различные хронологические измерения, очень редко пересекаются в точке взаимного позитивно-исторического события: различие во времени заставляет народы воспринимать друг друга на основании отношения инобытия с чувством взаимного отрицания (например, культурное время жителей Американского континента в XV-XVI вв. отрицалось временем испанских конкистадоров через силу оружия).

Изменения в пространстве русской культуры происходят, когда Петр I почти через два года после возвращения Великого посольства (1697-1698 гг.) из стран Западной Европы издает в 7208 году от

Сотворения Мира следующий именной указ: "В списках и в пометах и в сметных и пометных списках и во всяких приказных и мирских делах лета писать и числить годы Января с 1 числа 7208 года и считать сего от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1700 году, а год спустя Января с 1 числа с предбудущего 7209 году писать от Рождества Христова Января с 1 числа 1701 году и предбудущих чинить по тому же, а с того нового года Января месяца и иные месяцы и числа писать сряду до Января непременно и в прочие лета, счисляя лета от Рождества Христова потому же. А то указали Мы Великий Государь учинить, для того что во многих Христианских окрестных народах, которые православную Христианскую Восточную веру держат с нами согласно, лета пишут числом от Рождества Христова. *А буде кто похочет писать и от сотворения мира: и им писать оба те лета от сотворения мира и от Рождества Христова сряду свободно*" [14, с. 681] (курсив – Н. К.).

Культурное отрицание традиционного уклада на предметном основании данного указа Петра I развивается не только из установления новой даты календарного года, но также из возможности существования двух дат (старого и нового исчисления) в одном письменном тексте, получившем на данном основании формулу противоречивой интерпретации своего содержания. Один текст не может объявлять свою принадлежность к событиям двух временных календарных дат, не изменив положение истины в своем содержании: Северная война не может проходить в исторических границах единого культурного сознания одновременно на основании дат 7209-7230 гг. от Сотворения Мира и 1700-1721 гг. от Р.Х., ибо в данный период Восточная преемственность Византии замещается преемственностью Запада в событийном движении к новой политической цели русского царя.

Историческая дата, утвержденная в математическом символе в виде числа, является константой культурного сознания, которое сформировано координатными пределами цивилизационных значений, связанных с временной точкой отсчета. В Древней Греции точкой отсчета были Олимпийские игры, в Античном Риме – основание городских стен (Ab Urbe condita – от основания города), каждое летоисчисление утверждало собственную парадигму на основании исходного значения пред-

ставлений о начале летоисчисления. Греция была определена величиим народной доблести и мудрости граждан (масштаба культурного расцвета античной Греции не знала предшествующая эпоха средиземноморских государств), Рим – обусловлен имперским движением по территориям других народов, утверждая могущество римских легионов. Изменить летоисчисление – значит совершить операцию с историческим текстом культурного сознания, сформировать новый образ мира и утвердить характерный для его значений принцип национального самоопределения. В данном случае, не следует полагать тождество значений "точки календарного отсчета" и "календарного содержания" месяцев и дней в годовом цикле, поскольку, исчислять историческое время своего народа и утверждать собственное существование в процессе движения прагматического бытия – не является равной величиной в области национального сознания.

Например, Битва на Куликовом поле в 1380 году войска Великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича с войском Золотой Орды темника Мамаю отражает общепринятый исторический отсчет, определившийся после культурно-политических свершений и реформ Петра I. Данная дата была совершенно неизвестна участникам битвы и русскому народу XIV столетия, обладавшего другим источником своего культурного утверждения в национальном сознании, также не имела включения в культурный обиход и арабская цифра, отражающая современный факт исторической хронологии. Сражение за национальную идею свободы утверждалось в кириллической системе – календарном времени, удостоверяющим церковнославянской буквой историческое самосознание народа через волю к освобождению от золотоордынского ига с оружием в руках: "В лѣтѣ. 7888. ꙗкоже. 1380. в рдыньскыи кнѣзь Мамай. събравъ воѣ многы. поиде на великого кнѣзя Дмитрея Ивановича. то же слышавъ кнѣзь велѣѣи събра воѣ многы. и поиде противу. и стрѣтошасѣ за Дономъ на оустъ Неправды. и бысѣча зла, ака же не бывала в Русѣ. и поможе Бѣ кнѣзю великому Дмитрею Ивановичю" [15, с. 536]. Данное событие обладает неразрывным значением двух исторических текстов: Православной веры, отразившей в церковнославянской буквице дату битвы и благословение полков князя Дмитрия Ивановича отцом Сергием Радонежским, и силы единства русского оружия, сплотившего русских князей

в сознательном стремлении к битве с врагом. Сражение на Куликовом поле в историческом утверждении арабской цифры от Рождества Христова могло бы означать факт уже свершившегося культурного "переворота" с последующим заключением различных союзов с "латинствующими" (католическими) государствами; например, совместными действиями в борьбе против ордынцев с политически переменчивым литовским князем Ягайло после "Кревской унии" (1385 г.), утвердившей в Литве католическую веру. Русская Церковь в Средневековый период истории утверждала характер внешних дипломатических решений, в законодательном пространстве которых не должно было возникать духовных противоречий в отличие от периода царствования Петра I, когда внешнеполитические союзы определялись характером дипломатической "выгоды" в пользу Отечества.

Понять идейное значение и культурную выразительность исторического события – понять культурное сознание народа, обусловленного нерасторжимыми (неотчуждаемым) представлением о собственном календарном исчислении исторического пути.

Соответственно, признать возможность развития в культуре одного народа две формы летоисчисления (как указал на данный факт Петр I) – значит обрекать на разрушение национальное самосознание, утрачивающее в данном случае отсчет собственного духовного существования. Историческая шкала времени градуируется от момента (точки) календарной реформы не только всеми цифрами как по восходящей (будущей), так и по нисходящей (прошлой) событийной линии, но и утверждается психологически в форме акта культурно-национальной рефлексии, обусловленной новым уровнем своего положения в мировом историческом тексте.

Предложение в именном указе Петра I литературной формы: "А буде кто похочет писать" одновременно обе даты – от лукавого, движимого стремлением сокрыть правду происходящего события от понимания в координатах времени; например, война с двумя различными датами есть война без определенной даты – т. е. война, как гипотетический уровень цикличности, происходящий время от времени в человеческом обществе, без конкретных указаний на смерть, разорения и разрушения в культуре народа. Историческая память когерентна избранному в культуре календарю, в котором фиксируются важные события духовного и материально-практического существования.

Петр I через 10 дней после выхода первого указа о смене летоисчисления издает следующий именной указ "О праздновании Нового года", поясняющий необходимость проведенной календарной реформы: "Великий Государь указал сказать: известно Ему Великому Государю не только что во многих Европейских Христианских странах, но и в народах Славянских, которые с Восточною православною нашею Церковью во всем согласны, как: Волохи, Молдавы, Сербь, Далматы, Болгары и самые Его Великого Государя подданные Черкасы и все Греки, от которых вера наша православная принята, все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова семь дней спустя, то есть Января с 1 числа, а не от создания мира, за многую разнь и считание в тех летах, и ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а будущего Января с 1 числа настанет 1700 год купно и новый столетний век: и для того доброго и полезного дела, указал Великий Государь" [14, с. 681].

Перечисленные в царском указе народы, определенные религиозным единством с Россией в тексте православия (а с некоторыми и родовыми славянскими корнями), находились в момент реформы календаря под властью нехристианской Османской империи (за исключением подданных черкасов). Подобный факт турецкого политического влияния через форму вассалитета славяно-христианских государств (равно как и падение православного Царьграда Константинополя в 1453 г.) был хорошо известен русскому человеку, духовно сострадающему конфессионально близким народам, терпящих национальный удел рабского существования. Петр I в сравнительном примере "единого календаря" на данных территориях уравнивал текстом указа покоренных христиан, одержимых идеей обретения политической независимости в единстве православной культуры, и христиан свободных, – обладателей идеи "Третьего Рима" в духовном сюжете Мессии Православия.

Вследствие подобной "нивелирующей компаративистики" русский народ должен был испытывать духовное возмущение, подобное возмущению, возникшего на основании религиозных споров Патриарха Никона, искавшего единство законов национального религиозного текста в христианском логосе покоренного государства "Восточных греков" – Византии. Возможность применять на письме по желанию, согласно вышеприведенному указу, две

системы исчисления времени не устраняло "праведный гнев" русского христианина, полагавшего собственную судьбу в едином духовном пространстве без демонического числового раздвоения. Форма подобного социального несогласия с реформой календаря и другими противоречивыми реформами для русских традиций обрела в культуре эпохи образ антихриста, "воплотившегося", согласно народному мнению, в лице русского царя Петра Великого.

В.М. Живов раскрывает развитие культурно-психологической модели с образом антихриста в сознании народа через структуру петровской календарной реформы: "Для носителей традиционной культуры перемена календаря означала, что царь украл восемь месяцев у Господа Бога: 7208 год длился четыре месяца. Петр тем самым демонстративно объявляет себя владельцем времени, т.е., действуя как антихрист, приписывает себе божественные права" [5, с. 40]. Подобных вопросов о "присвоении времени" не возникало в эпоху государя Ивана III, перенесшего новый год в русском календаре от 1 марта к 1 сентября (1492 г. от Р. Х. – 7000 от Сотворения Мира) и "украденного" пять месяцев из цикла 14-го Великого индиктиона (период в 532 года). Государь всея Руси Иван III Васильевич не покушался на генезис "историческо-религиозной шкалы" от Сотворения Мира в культурном сознании народа.

Петр I в процессе календарной реформы не только "овладел" восемью месяцами бытия одного года, но более того, именным указом исчерпал 5508 лет божественной тварности в мировом существовании: Сотворение мира больше не имело смысла, или, если указать более точно, не имело религиозного смысла. Другими словами, в представлениях религиозного сознания было "украдено", согласно принципам византийского летоисчисления на основании расчетных параметров Септуагинты, пять с половиной дней и несколько часов (которые обратно равны 5508 лет) из шестидневного сотворения Богом мира: "у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день" [Второе послание Петра, 3:8]. Соответственно, полагая данную формулу в качестве "математически-религиозного уравнения", получается, что либо божественный мир Ветхого Завета из книги Бытия в Петровскую эпоху полностью исчез без исключения, оставив нерелигиозный и нехристианский потенциал своего возможного порождения, несмотря на математический остаток в по-

ловинку шестого дня (а верить в остатке или верить в остаток – невозможно, вера есть проявление цельности человеческого духа, определенного единством своей нематериальной сущности), либо божественный мир имеет возможность к собственной (культурной или психологической) трансценденции "второго порядка", при которой в каждый последующий миг происходит еще одно божественное шестидневное творение с последующим освящением-переходом, порождающим непознаваемую (согласно Г.В.Ф. Гегелю – "дурную") бесконечность или собственную бессмысленность. Подобный феномен есть, согласно категориальному аппарату Жака Дерриды [4], деконструкция религиозного сознания через операцию с имманентным духовной культуре календарным временем.

Т.В. Артемьева указывает на философские аспекты календарной реформы Петра Великого: "Ряд мировоззренческих реформ, проведенных в это же время, изменил мироощущение и систему идентификаций. Их целью было включение России в европейское сообщество. При этом были затронуты не только социокультурные аспекты такого включения – костюм, образование, этикет и т. д., но онтологические сущности – пространство и время <...> Ощущение временных изменений, течения времени, его изменчивости и возможной качественной определенности было подкреплено календарной реформой, проведенной Петром I, в результате которой летоисчисление стало вестись не от сотворения мира, а от рождества Христова, что передвинуло точку отсчета сразу на 5508 лет" [1, с. 16] (курсив – Н.К.). Возможно утвердительно произнести, что "не передвинуло" точку отсчета, а уничтожило! Понятие времени в культурном сознании обусловлено фактом реальности действительного существования, а не гипотетической моделью иллюзорной или фантазмагорической онтологии, образующей искусственную оптическую соотношение реального и ирреального состояния мировосприятия (при условии положения психической ликвидности культурного разума в тексте мировой истории). "Мироощущение" претерпело в структуре петровской реформы календаря не внутренние структурные изменения, а полностью утратило культурные координаты выражения существовавших духовно-интеллектуальных форм, – изменился сам тип образа мира в пределах национальной традиции.

Следует предположить два идейно-философских направления в понимании категории историческое время:

1. Время в качестве общеустановленного измерения периодов движения культурно-духовной парадигмы народа с предметным выражением реальных артефактов и атрибутов соответствующей эпохи;

2. Время в качестве исторической философии, включающей в содержательный текст своих значений представление о пространстве культурного сознания эпохи в семиотическом и символическом выражении.

Прагматическая содержательность времени в первом случае и эпистемологическая выразительность времени во втором создают условие различного прочтения исторического текста культур, в которых на основании летоисчисления возможно проводить как констатацию фактов степени цивилизационного уровня существующей предметности, утвержденной бытовым, практическим характером национальных и заимствованных форм, так и раскрывать время в качестве философии, обретающей идейное пространство не только при содействии внешних форм цивилизации, но и через национальный характер языкового выражения. Заимствованный предметный мир не приводит к отождествлению народного сознания в контексте глобального единства, заимствованный календарь только утверждает "пристраивание" к общему механизму существования, а язык культуры утверждает текст собственных национальных традиций, в пространстве значений которых формируется мировоззрение народа.

Например, в важной области значений вопроса "что есть истина?" представитель Петровской эпохи, сознающий свою принадлежность к системе духовно-религиозной правды и западноевропейский человек, признающий меру своих действий через общеустановленную истину, близкую по семантике к латинской лексеме "iustitia" (юстиция) – определены различными методами в реализации прав и обязанностей в сфере социально-политического существования. В.В. Колесов указывает на особое духовное понимание в культурном сознании русского человека допетровского времени не только правды, но и истины: "В средневековой Руси разрыв между правдой и истиной был понятен. Правду нужно искать и настичь, т. е., другими словами, постичь, тогда как истина всем известна, она – в Божьем слове, в слове вообще <...> Непереводимое ни на какие языки слово

правда является основой естественного и нравственного русского права – практическая мораль в традиции" [9, с. 260]. Подобного дуализма не возникало в области Западной культуры, осваивающей единое познание истины как в пространстве материальной природы, так и в области социально-правового существования. Соответственно, русская правда обладала собственной семиотикой и символикой культурных значений, обусловленных социальной жизнью народа: от правовых, в области которых требовалось "постичь" виновного – "Русская правда" Ярослава Мудрого (XI в.), до гносеологических, выраженных для русского человека приоритетом духовных значений над рациональными, при которых познание своих помыслов перед Господом является более существенным, чем познание материи бытия.

В. Зеньковский определяет общую характеристику реформ Петра I в области культуры, вышедшей из "единого русла" и получившей эмпирическое раздвоение в созидательном движении: "Прежнее единство культуры разбивается, творческая работа в церковном сознании и вне его идет не по единому руслу, а по двум разным направлениям. Этот двойной процесс, идущий в XVIII веке с необычайной, несколько загадочной быстротой, лишь с первого взгляда может показаться загадочным; на самом же деле в нем просто выявляется то, что давно (уже с конца XVI века и особенно в XVII веке) происходило в русской жизни" [6, с. 57]. Возникновение в допетровскую эпоху точки культурно-религиозной бифуркации (или лучше развитие предпосылок к возникновению точки бифуркации), на которую указывает В. Зеньковский, осуществлялось в едином календарном времени, отличавшим событийной датой сущность творческого мышления в положении Запад и Восток, а также скреплявшим церковь и государственную власть генезисом национального духовно-культурного пространства. Изменение отсчета событийной цифры привело к перераспределению творческого потенциала, при котором Запад получил формульную прерогативу культурных распоряжений в тексте русских традиций вместе с утвержденным числом западноевропейского календаря. Многие дальнейшие идейно-теоретические положения культурного созидания развивались в сфере русской мысли имманентно новому календарному числу.

Например, В.Е. Быданов раскрывает идейно-выразительное понимание генези-

са политических идеологий в сфере национальной жизни на предмете петровских реформ: "Истоки формирования в России сциентистских утопий, на основе которых начали формироваться соответствующие национальные идеологии, восходят к XVIII столетию, начиная с реформ Петра I" [2, с. 31] (Н.К.). Календарная реформа определила экспериментальное начало для введения западноевропейских "сциентистских утопических" проектов в культурную действительность национальной жизни государства. Единство религиозно-направленного времени "от Сотворения Мира" в хронологии русской истории получило новую точку отсчета – Рождение Христа, – начало духовных координат, при которых в народном сознании возникло представление о бытии с "переменным временем" – до Р.Х. и после; тогда как ранее, до Сотворения Мира, устанавливалось, что в наличии из материи имелось исключительно – ничто! Культурное сознание русского человека получило возможность считывать текст исторического развития при содействии оппозициональности, в которой время не является константой существования, а имеет способность возрастать и в обратную сторону от Р.Х. (подобный факт движения календарного времени был общепринят в западной культуре XVII столетия) [8].

Подобное векторное "разновеличие" времени в сфере новых идейно интеллектуальных представлениях предполагало впоследствии условие для возникновения политических утопий (греч. οὐ τόπος – не место), отрицающих свою онтологическую "самость" в области реального существования. Утопия – это осознанное рациональное желание человечества обрести пространство социального блага через новый институт культурно-политического выражения, в котором государство превратится в механизм равного всеобщего распределения экономических ресурсов, а народ станет "послушной паствой" системы бескомпромиссного этически-эстетического социального тождества. Утопический проект не может быть историчным, он всегда принадлежит только факту сознания, в котором осуществляется переход идейных взглядов в концептуальный образ возможного будущего.

Необходимо указать, что Петр Великий не обладал концептуальным видением теоретической формы будущей России, большинство реформ складывалось в процессе движения исторического текста на основании возникающих вопросов к перс-

пективе государственного развития, в котором внешнеполитические события становились главным сюжетом. Например, столица Российской Империи – город Санкт-Петербург определен существованием на основании внешнеполитических интересов Петра I, утвердившего на новой столичной земле принцип побед Александра Ярославовича (Невского) и новую архитектурную модель Западного городского развития, признанную исследователями русской культуры в качестве реализации градостроительной "утопии" [см.: 7; 10; 16; 17; 18].

Реформа летоисчисления Петра I также привела к устранению эсхатологии в линейном измерении человеческой истории, согласно тексту Священного писания, утверждающего как начало (Сотворение мира), так и будущий финал земного бытия со Страшным судом Господа и разделением праведников от грешников. А.М. Панченко отмечает особенность восприятия петровских реформ русским народом через религиозно-линейное время апокалипсиса: "Что касается ревнителей древнего благочестия, то новая историософия, отодвинувшая Страшный суд в бесконечное будущее, превратившая его в мираж, – эта историософия для них как раз и означала реально наступивший конец света" [11, с. 71].

В действительности, календарные даты апокалипсиса, высчитанные на основании числа от Сотворения Мира, не утрачивают семиотики христианского текста культуры в его дальнейшем историческом развитии, они переходят в религиозно-проектное положение нового расчетного времени собственно религиозного, а не политического, которое в допетровской эпохе было определено с ним идейным тождеством. Две характерных национально-культурных сферы идейно-духовного существования не получают своего расхождения в эпоху Петра I, они обретают новое переподчинение согласно формированию абсолютной идеи – служение Отечеству, которое в допетровское время воспринималось в первую очередь как служение государю, олицетворявшему собственной персоной "Соль родной земли". Петр Великий первый из царей определил равные положения в государственной службе представителей дворянских и боярских фамилий, начав сам военное восхождение в должности барабанщика потешного Преображенского полка (несмотря на факт реальных границ царской власти Петра I).

Подчинение службе Отечеству в качестве политической доктрины утверждал для себя и Петр I, указывая на служение России в качестве прерогативы при решении всех личных царских вопросов: фрагмент текста из Приказа перед Полтавской битвой "Ведало бо российское воинство, что оный час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России <... > А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние" [12, с. 226]. Подобное утверждение Петра I о благочестии, славе и благосостоянии, которые в отношении Отчизны становятся выше положения царской власти, является новым порядком государственного существования, определенного масштабом культурного дуализма.

Б.А. Успенский и Ю.М. Лотман, раскрывая проявление дуализма в русской культуре, устанавливают сравнение двух периодов русской истории, в которых произошел религиозный "раскол" общества на основании реформ Патриарха Никона и культурный "раскол" при проведении реформ Петра I: "Невежеством именовалась связь с накопленной предшествующим культурным развитием памятью, а разрыв с ней воспринимался как "просвещение". "Помнить" – означало быть невеждой, "забыть" – просветиться. Интересно отметить, что полстолетия спустя Петр I совершал многочисленные действия, относительно которых он не мог не знать, что они должны были восприниматься как знаки святотатства или даже печать Антихриста. Однако он умышленно игнорировал такое прочтение как невежественное" [18, с. 355-366]. Подобная лингвистическая прагматика текста "помнить/невежда – забыть/просветиться" была совершенно не свойственна харизматичной личности Петра I, в отличие, например, от одного из его ближайших сподвижников в государственных и церковных делах – Архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича, вызвавшего в своих речах к содержаниям понятий "историческая память" и "просвещение" [13]. Петр I утверждал в сфере русской культурной жизни глагол "знать" и "делать", необходимо было знать – новое время, новые законы, новые политические границы, и, соответственно, делать – новое время, новые законы, новые государственные границы вместе с русским царем. Невеждой в период петровских ре-

форм становился не тот, кто помнил "старое" время (данный факт права на "память" был санкционирован именным указом о "новом" календарном времени с возможностью существования двух датировок в одном тексте), а тот, кто не узнал свое культурное "отражение" во времени "новом", т.е. не смог совершить самоидентификацию в программе всеобщего внутриполитического действия, в котором абсолютно отсутствовала как роль, так и пространство для стороннего зрителя.

Волевое осознанное решение части дворянского сословия принять участие в формировании нового политического образа России вместе с русским царем является началом изменений в архитектуре национального сознания, которое должно было получить новую временную точку отсчета в исторической перспективе государственного развития.

Необходимо отметить, что характерная социально-психологическая особенность преобразований Петра I устанавливает в некоторой степени историческую зеркальность действиям Ивана IV (Грозного) – два русских царя обладали обоснованным подозрением к истинным намерениям боярского сословия и создавали собственную военную "гвардию" для воплощения личных интересов, привлекая порой к их воплощению представителей неродовитых сословий, но обладающих решимостью и проницательностью в области необходимого для идейного времени решения или действия. Существенное различие было в характере интересов – желание утвердить свою личную беспрекословную волю в пределах государства на основании "нового" религиозного взгляда у Ивана IV в тексте внутриполитической столичности Александровской слободы и стремление отразить волю государства во внешней политике на основании новой политической эстетики столичности Санкт-Петербурга у Петра I. Два государственных проекта получили в истории России свою собственную оценку в положениях исторической концептуальности или описательном характере исторической типологизации (периодизации) русской культуры.

В.В. Колесов проводит хронологию движения "концептов русской ментальности" через три этапа – Древнерусский, Старорусский и Новое время, которое "начнется с Петра I; это петербургский период нашей истории и позже, а также развитие русской нации до уровня самосознания. Рефлексия о себе, о своем месте в мире и

в истории" [9, с. 138]. Соответственно, концепт "новой ментальности" определен "Новым временем" эпохи Петра I, отразившей в измененном календарном числе отечественной культуры принципы политической таксономии западноевропейской цивилизации.

А.М. Панченко раскрывает эпоху Петра I через выражение диалектики исторического смысла судьбы русского народа: "Суммируя <...> экскурс в древнерусскую историософию, можно сформулировать ее основной принцип: не человек владеет историей, а история владеет человеком <...> Что пришло на смену древнерусской историософии? Если прежде история определяла судьбу человека, то в канун петровских реформ человек предъявил свои права на историю, попытался овладеть ею <...> "новые учителя" провозглашают идею о едином, цивилизационном времени, как бы упраздняя различия между вечностью и бранным существованием. Событие не находится в зависимости от Бога; событие – лишь "аппликация" на бесконечном потоке времени" [11, с. 65-66]. Все же следует предположить в риторической полемике с А.М. Панченко, что история нации всегда определяет судьбу человека, воспитанного в культурных и духовных традициях собственной земли; приоритетом к осознанному действию подобного человека будет древний мотив "непоруки" как собственного рода, так и духовного лика Отечества. Осуществление "покушения" на искажение истории через личное право – есть особая тираническая претензия в субстантивации единичной воли к власти независимо от способов ее приобретения. При условии реализации подобной претензии в структуре исторического пространства образуются "черные дыры", затягивающие культурное время народа жертвенной семиотикой нулевого смысла. Петр I не имел подобных тиранических претензий ни к историческому тексту русского народа, ни к политической узурпации государственной власти (поскольку обладал всеми необходимыми регалиями от рождения); цель первого русского императора была определена не стяжанием собственного политического могущества (несмотря на исторические факты личного предубеждения и царского своеволия в некоторых сферах государственной жизни), а установлением движения нового культурного и политического смысла, зародившегося когда-то в "дидактическом" пространстве эстетики Немецкой слободы

– познавательной сферы молодого Петра Алексеевича. Реформа календаря обратила мышление к новому способу созидания национальной культуры – при котором духовный образ русских традиций утверждался внешним регламентом заимствованной формы западноевропейской политики.

Заключение. Таким образом, реформа календарного времени Петра I установила событийное единство двух культурных пространств – государств Западной Европы и Российской империи, получивших возможность измерять внешнеполитические отношения через равные условия годовой даты. Знаковое выражение имперского величия России на международной политической арене возникает именно при новом летоисчислении, введенном в качестве условия культурно-политического тождества, которое до завершения победы России в Северной войне вызывало непонимание и неприятие у многих представителей русского народа. Факт возможности отражения в культурном тексте Петровской эпохи двух календарных форм – от Сотворения мира и от Рождества Христова обусловлен тенденцией перехода культурного сознания народа к новому политическому выражению российской государственности. Старое летоисчисление переводится в сфере национального мировоззрения новой датой через победное шествие России в Северной войне. Содержание культурно-духовных традиций, определенных этапами формирования государственности и Крещением Руси, переходит в новый семиотический и символический текст русской истории, наделенной после победы в Северной войне регалиями внешнеполитического могущества. Реформа календарного времени полагает перспективу исчисления нового текста русской истории, отражающей масштаб не только борьбы за собственную политическую свободу, но также и участие в освободительных войнах за государственные интересы союзников России.

В данной статье не было рассмотрено соотношение Юлианского календаря, который являлся календарем поместной православной церкви и был взят за основу календарной реформы Петра Великого, с календарем Григорианским, введенным в культурный обиход летоисчисления римским папой Григорием XIII в XVI веке и ставшим общепризнанным в странах Западной Европы. Подобная компаративистика привела бы к общему идейно-историческому контексту, в котором потребовалось бы с

необходимостью указать на календарную реформу 1918 года, подписанную новой властью в лице В.И. Ленина и совершившую смену Юлианского календаря на Григорианский, что перенесло бы развитие сюжета Петровских реформ в область национально-идеологических представлений. Григорианский календарь по характеру установленных дат более точно сближал два культурных европейских пространства Запада и Востока, но противоречил религиозным положениям русской церкви. Петр I не был идейным противником католичества в структуре проводимых реформ, утверждавших новое мировоззрение народа на основании формирования семиотики культурных координат в сознании, но объявить российского императора ренегатом Православной веры, который пожелал бы полностью разрушить духовно-исторический мир народа введением "католического" календаря, совершенно невозможно.

Литература:

1. Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. – СПб.: Алетейя, 2005. – 496 с.
2. Быданов В.Е. Сциентистский утопизм в России и историцизм позитивистской эсхатологической идеологии // Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма: Философский век. Альманах. – Вып. 13. / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. – С. 28-34.
3. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вс. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
4. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2012. – 376 с.
5. Живов В.М. Церковная политика Петра Великого и наследие XVII столетия // Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. – М.: НЛО, 2004. – С. 34-68.
6. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Раритет, 2001. – 880 с.
7. Исупов К.Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва-Петербург: Pro et Contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 6-78.
8. Климишин И.А. Календарь и хронология. – М.: Наука, 1990. – 478 с.
9. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
10. Лотман М.Ю. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман М.Ю. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – С. 208-220.
11. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры: в 5 т. Т. III (XVII – начало XVIII века). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 11-261.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого / ред. Б.Б. Кафенгауз. В 3 т. Т. 9 (январь – декабрь 1709 года). – Вып. 1. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – 526 с.
13. Прокопович Ф. Сочинения / под ред. И.П. Еремина. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – 501 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Собрание 1-е]: в XLV т. Т. III. – СПб.: 1830. – 690 с.
15. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) [Издание 2-е]: в 15 т. Т.1. Лаврентьевская летопись / в 3-х вып. Вып. 3: Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. – Л.: АН СССР, 1928. – 577 с.
16. Рамазанлы Г.Д. Концепция "Вызова-и-Ответа" А. Тойнби в истории России // KANT. – 2024. – №1(50). – С. 183-187. EDN: MZQSGE. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-50.33
17. Топоров В.Н. Петербург и "Петербургский текст русской литературы" // Топоров В. Н. Петербургский текст. – М.: Наука, 2009. – С. 644-748.
18. Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды [издание 2-е]: в 3 т. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 338-380.
19. Успенский Б.А., Лотман М.Ю. Отзвуки концепции "Москва – третий Рим" в идеологии Петра Первого // Успенский Б.А. Избранные труды [издание 2-е]: в 3 т. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 124-141.

RELIGIOSITY FROM THE PERSPECTIVE OF FUNCTIONALISM

Rushenko Mikhail Valerievich, Postgraduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

Classical philosophical and religious views postulate that spiritual values are not cultural biology, since they do not benefit the vital entrepreneurs of man, and therefore do not relate to empirical world phenomena. On the other hand, anthropological functionalism proclaims that the driving motivation of human life